

Дети войны

Цикл рассказов

Часть четвертая

«Чудом удалось спастись»

Надежда Ивановна Терентьева родилась 14 марта 1928 года в Вяземском районе Смоленской области. Во время оккупации родной деревни Надежде было 13 лет, хотя выглядела она на все двадцать. Пришедшие фашисты активно искали в деревне партизанский отряд, многих местных жителей, в том числе и надежду, собирались расстрелять, но ей чудом удалось спасти. В доме, где жила семья Надежды Ивановны поселились немцы, которые порой даже делились съестными припасами с хозяевами.

После войны Надежда Ивановна трудилась на восстановлении железных дорог, и однажды повредила руки, которые впоследствии с трудом удалось вылечить (хотя врачи даже предлагали ампутировать). При лечении пошло осложнение на глаза и Надежда Ивановна стала медленно слепнуть. Позже женщина переехала жить в поселок Снегири, где устроилась на работу на местный кирпичный завод, на котором и проработала до выхода на пенсию. В мае 2013 года Надежда Ивановна умерла.

Оксана Валерьевна Герман,
Педагог-организатор Рождественской СОШ

Был дан приказ взорвать военную базу

Когда война началась, мы жили в Москве в Измайлове на седьмой Парковой улице. Недалеко располагался военный аэродром, который постоянно бомбили. Почти каждую ночь над аэродромом стояло зарево от взрывов. С 1943 года семья переехала к дедушке, Константину Тарасовичу Салангину, так как тяжело заболела Елизавета Александровна (в девичестве Глазкова) – бабушка, коренная жительница Павловской Слободы. Дедушка в это время был комендантом Павловской артиллерийской базы. Он был кадровым военным – подполковником административной службы, из 62 лет жизни 40 лет служил в армии. В первую мировую войну за боевые заслуги был удостоен почетных наград царской армии, Георгиевских крестов II, III, IV степени, медалей «За храбрость» III и IV степени и французской медали «Почетный легион».

Дом дедушки находился на Октябрьской улице напротив военной базы. Рядом с домом была и почта и сельсовет. В доме был телефон, в то время большая редкость. Он часто звонил, бывало, днем и ночью дедушку срочно вызывали по делам службы. Местные жители деда уважали, у него было много знакомых и друзей в окрестностях деревни. В ту пору обстановка в Павловской Слободе была другой, было много детей, которые свободное время проводили на улице среди своих сверстников. Часто ходили друг к другу. Если у кого появлялось что то вкусное, делились друг с другом. Родители подкармливали и своих, и соседских ребятшек. Мы очень любили маму Люси Беляевой, жившей на улице Урицкого и маму Нелли Пикаловой, тетю Жени, она всегда нас встречала с радостью, обязательно чем-нибудь угощала.

Был дан приказ взорвать военную базу

В то время дети занимались и хозяйственными делами. Мне не было и десяти лет, а на моем попечении была коза «Зорька». Я отводила ее на пастбище, в полдень ходила доить, вечером приводила домой. Мне поручали ходить за продуктами и за дедушкиным пайком, который ему давали на базе в виде обеда. Однажды, когда я несла судки с обедом, споткнулась и пролила суп. Он вылился в ямку на дороге. Я перепугалась, стала собирать его ладонями и выливать в судок – дом ничего не заметили.

Дед умер через год после окончания войны. Похоронен он был с воинскими почестями, проститься с ним пришло очень много сельчан. За свою безупречную службу в рядах Красной Армии дедушка был награжден высшими наградами советского государства. Особенно отличился дедушка, когда тяжелые бои шли вокруг Павловской Слободы. Командованием был дан приказ взорвать военную базу. Когда все было заминировано, команда подрывников во главе с дедушкой на дрезине выехала в район бывшей железнодорожной станции Павловская Слобода. Для выполнения приказа все было готово, оставалось только нажать исполнительный механизм. Дедушка понимал, что взрывом будет уничтожена не только артиллерийская база, мост, но и часть жилых домов в Павловской Слободе. Поэтому он принял решение, что взорвет базу, если немцы окажутся внутри. Это было очень ответственным, но как оказалось, совершенно правильным решением.

Валентина Викторовна Салангина

Валентина Викторовна Салангина,
Жительница села Павловская Слобода

Своим телом приходилось согревать детей

Мне было всего три месяца, когда началась война. Мы должны были поехать к бабушке в деревню Крапивное Новозыбского района Брянской области, куда ранее родители отвезли моих старших братьев: 9-летнего Володю и 4-летнего Шурика. Но 22 июня 1941 года все в нашей жизни изменилось. Отец, Борис Иванович Новыш, практически сразу ушел добровольцем на фронт, а мама, Анна Петровна, осталась со мной в селе Рождествено, так как пассажиров на Брянск уже не пускали. Самые ужасные 9 дней маме пришлось пережить в начале декабря 1941 года, во время оккупации села. Мама потом рассказывала, как носила меня вместе с документами в верблюжьем одеяле, сохранившемся до сих пор.

«Как только фашисты вступили в село, - вспоминала Анна Петровна, - подожгли дом старика Майорова, а самого его убили, сняв с него валенки. Еще одного старика Семерикова и красноармейцев, которые укрывались в его доме, вывели и расстреляли. В подвал, в котором я сидела, а нас там было человек 30 с детьми, ворвались немцы и с ними русский предатель, который стал говорить, что Красная армия разбита, а немцы завтра захватят Москву, и все заживут хорошо.

Фашисты врывались в окопы, грабили, требовали сала, яиц и масла. Позже нас из подвала выгнали на жуткий мороз с детьми, не дав нам ничего взять с собой. Кто-то подсказал, что можно укрыться в окопе. Он оказался пустой, но стены его были покрыты толстой кромкой льда. Так всю ночь мы простояли друг возле друга.

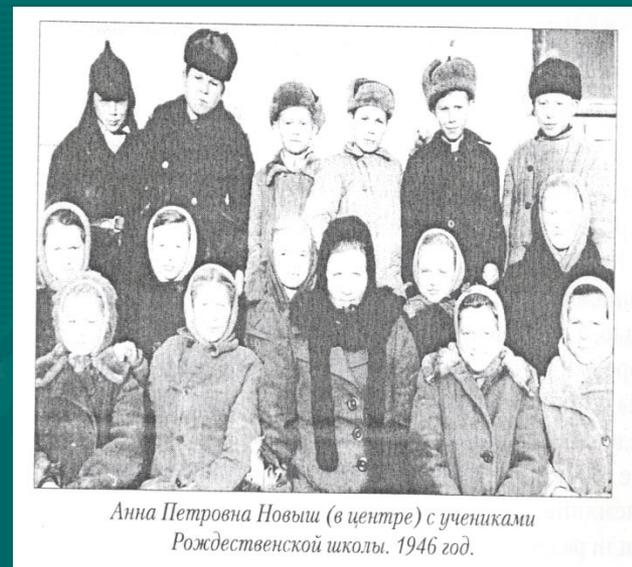
Своим телом приходилось согревать детей

Когда матери на другой день попытались подойти к подвалу и захватить что-нибудь, хотя бы пеленки, немец прогнал их, наставив винтовку. Нашему мытарству и мучению, казалось, не будет конца. Своим телом приходилось согревать детей».

После ухода немцев маму назначили директором Рождественской школы. Она при содействии директора дома отдыха «Снегири» Николая Романовича Елкина смогла к 1 сентября 1942 года привести в школу в надлежащий вид. Тогда же был отремонтирован и деревянный школьный дом на улице Пионерской, который отдали под квартиры учителей. В 1943 году с ранением вернулся в Рождествено мой отец и вскоре привез из Брянской области старших братьев, которые почти три года находились вместе с бабушкой в оккупации.

Но хотя война и ушла из села Рождествено, следы ее еще долго оставались. Однажды в мае 1943 года прямо перед учительским домом мой 7-летний брат Александр с друзьями Владимиром и Николаем Троскиными и Борисом Тарасовым подорвались на фашистской mine. Пока на телеге везли ребят в Дедовскую больницу, брат и двое друзей скончались, а Николай выжил, но на всю жизнь остался инвалидом — ему ниже колен оторвало обе ноги.

Война прошла через каждую семью, и в каждой оставила неизгладимый след.

*Анна Петровна Новыш (в центре) с учениками
Рождественской школы. 1946 год.*

Зоя Борисовна Васильева,
жительница села Рождествена

«Возьми Зою, умрет ведь...»

Я родилась в 1937 году в деревне Зеленково, в семье нас было три дочери и два сына, а когда началась война, мама была беременна. Старшего брата, 1922 года рождения, взяли в армию за год до начала войны. Мама рассказывала: «День был жаркий, пришли с работы и по радио объявили, что Германия напала на Советский Союз». Папа тогда работал в пожарной охране в Москве, у него была там служебная маленькая комната, куда он и забрал детей. А я с мамой и только-только рожденной сестрой остались в деревне. Боялись немецких налетов, поэтому мама решила уйти в свою родную деревню Юрьево, где жила ее тетка. Пошли туда через Пороховую гору, возле мостика через речку Белянка начался налет немецкой авиации. Спрятались под деревянный мостик, а на дворе – ноябрь, уже на воде льдинки. Кончился налет, и тут в руку попал осколок от снаряда. Рука была в кармане у мамы, мне раздробило и обожгло палец. Мама в отчаянии хотела оставить малышке, но я просила: «Возьми Зою, умрет ведь...»

Когда пришла в Юрьево, деревня уже была в оккупации – пришлось почти все время сидеть в окопе. Молока у мамы не было, а грудного младенца надо было кормить. Немцы доили корову и разрешали соседке немного надоить молока, которое она приносила малышке. Так и выживали. Примерно через неделю Юрьево освободили, а мы ушли в деревню Новинки, где у нас и жили родственники. Там немцев не было, а в доме племянника мамы располагалась медсанчасть, где мне и зашили раздробленный палец. Вернулись в Зеленково, в нашем доме окна выбиты при бомбежке, в погребе и в доме все разорено и растащено. Стали потихоньку восстанавливаться. Был страшный голод: собирали мороженую картошку, жмых для скота, который падал при перевозке.

«Возьми Зою, умрет ведь...»

В Зеленкове училась в начальной школе, потом в Рождествене и 10 класс окончила в Павловской средней школе. Ходили в Павловскую Слободу по лавам через Истру, а когда весной их сносило половодьем, шли в обход. Весь ужас, который мы испытывали, идя рано утром или поздно вечером, могут понять только жители отдаленных деревень.

После окончания учебного года работала в колхозе, а еще помимо этого был и свой огород, скотина. Почти не отдыхали. Зимой заготавливали и возили из леса дрова, чтобы топить печь. Мама выполняла любые работы, мужчин не хватало. Помню, как женщины вставали в ряд и копали огромные поля лопатками.

Были, конечно, и праздники, но редко. Например, по завершении жатвы или сева собирались с гармошкой, накрывали поляну (в прямом смысле), пели и плясали. Окончила среднюю школу, начала работать. Закончилось мое военное и послевоенное детство, не успев начаться.

*Нина Егоровна
Генерозова*

Нина Егоровна Генерозова,
жительница села павловская Слобода

«Трудилась и днем и ночью»

Моя прабабушка, Анастасия Алексеевна (в мужестве Ефремова), родилась 2 апреля 1923 года в деревне Падиково недалеко от Павловской Слободы. В июне 1941 года ей было 18 лет. Три ее старших брата ушли на фронт, один из них пропал без вести. Во время оккупации дом Ефремовых в Падикове сгорел, и они переехали в Павловскую Слободу.

В свои 18 лет Настя трудилась и днем и ночью сменами по 10-12 часов на военной базе. Разгружали вагоны с пришедшим с фронта разбитым оружием, ремонтировали его, а затем отправляли обратно.

На этой военной базе Анастасия Александровна познакомилась со будущим мужем, моим прадедушкой Виктором Сергеевичем Ефремовым. Он родился 23 февраля 1927 года в селе Спасское Тульской области в большой семье. Несложно подсчитать, в начале Великой Отечественной войны ему было 14 лет. В 1944 году он поступил в артиллерийское училище, но был отчислен, и в 17-летнем возрасте ушел на фронт, воевал минометчиком, а после войны судьба привела его в Павловскую Слободу. Прадедушка прожил долгую жизнь, умер 30 октября 2006 года, а прабабушка день в день ровно шесть лет спустя.

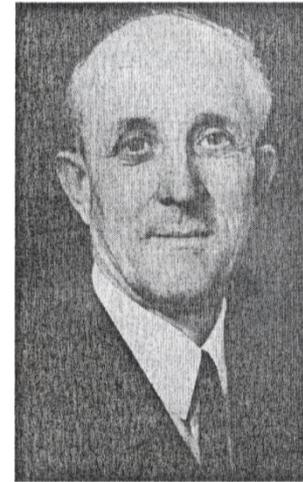

*Виктор Сергеевич и
Анастасия Алексеевна Ефремовы*

«Трудились и днем, и ночью»

Другой мой прадедушка, Николай Прокофьевич Сидоров, родился 15 сентября 1924 года в деревне Высокое Монастырщенского района Смоленской области. Окончил четыре класса школы. По имеющимся данным, 10 апреля 1942 года 17-летний Николай был вывезен фашистами в Германию, где до мая 1945 года его использовали на принудительных работах. После возвращения на родину отслужил в армии и с молодой женой Александрой Акимовной завербовался на крайний север.

Прабабушка Александра Акимовна Сидорова, урожденная Коноплева, родилась 28 августа 1928 года в будущем городе Дедовск, который тогда назывался рабочий поселок Гучково. Осенью 1941 года, когда фашисты рвались к Москве, 14-летней Александре приходилось вместе с другими сверстницами рыть окопы в окрестностях Дедовска, в частности, у Аносина и Снегирей. В 1950 году с мужем уехали работать сначала на север, затем в Крым, а в 1972 году вернулись в родные места, в Павловскую Слободу. Александра Акимовна умерла в октябре 1995 года, а Николай Прокофьевич в декабре 1997 года.

*Николай Прокофьевич
Сидоров*

*Александра Акимовна
Сидорова*

«В своем погребе мы прожили до весны»

Когда началась война, мне было 14 лет. Наша семья Ароновых жила в Рождествене в доме на самом краю села у берега реки Истра. Осенью 1941 года у нас часто останавливались военные. В конце ноября были бойцы из рабочего батальона, мы как могли их поддерживали. Отец угощал их табаком, который выращивал у себя в огороде. Один из бойцов, немолодой уже, запомнилось мне, был из Брянска. Они сказали, когда уезжали: «Отец, обязательно заедем, если живы будем». Но не заехали.

Немцы в седле появились 2 декабря 1941 года. Это было очень страшно. Из дома нас сразу же выгнали, пришлось уйти в окоп-погреб, который нам в саду сделали те самые бойцы. Этот погреб после войны еще долго был памятью о том страшном времени.

В доме у нас были куры, гуси и пчелы – отец работал колхозным пчеловодом. Мама плохо слышала, папа сам занимался хозяйством. Фашисты заставляли отца убивать и ощупывать нашу птицу. Часть зерна папа успел спрятать в пустых ульях, но захватчики нашли его и стали прямо из ульев кормить зерном лошадей. Часть ульев с медом мы спрятали в подполье на зимовку, люк подпола закрыли огромной бочкой с капустой, но и этот тайник фашистам удалось обнаружить. Однажды, когда нас в очередной раз выгоняли из окопа, солдаты увидели моего братишку, который учился в железнодорожном техникуме, и приняли его за партизана. Но отец его защитил, сказал, что он его сын – немцы отстали.

В своем погребе мы прожили до весны

Затем начался обстрел, было очень страшно, и мы побежали по оврагу. Вокруг загорелись дома. Под некоторыми из них немцы устроили пулеметные гнезда, из которых стреляли по наступающим красноармейцам. Достаточно скоро мы пробрались к дому моей тети, где в стене глубокого оврага было выкопано бомбоубежище. Внутри топились печки, сидели деревенские жители. В карманах нашли немного сухарей, которые и спасли нас от голода в тот день.

На рассвете заметили, как со стороны дома отдыха через этот овраг по мостику с перильцами шли друг за другом солдаты в белых масках. Они сказали нам: «Идите домой, топите печки, больше мы их к Москве не допустим!». Наш дом сгорел (а всего в селе сгорело 60 домов), в своем погребе мы прожили до весны. Затем стали убирать и хоронить погибших на полях солдат, начали лопатами копать землю под пашню, пробовали пахать вручную. Летом 1942 года построили новый дом из досок и бревен, между ними набили глину, поставили русскую печку.

Два последних военных года я работала на авиационном заводе в Тушино. Проработав долгие годы, была отмечена медалью «За доблестный труд» и получила звание «Ветеран труда»

Лидия Рябченко,
жительница села Рождествено

Память сохранила больше хорошего

Я родилась в 1944 году в Павловской Слободе. Дошкольное детство вспоминается не очень отчетливо, лишь отдельные моменты. Воспитывала меня бабушка Зина, детских садов не было. Папа пропал на работе (работал на военной базе № 38) мама всегда в школе (была учительницей начальных классов) или с горой ученических тетрадей. Иногда к ней приходили школьники делать стенгазету. Бывало, мама брала меня вместе со школьниками на елку в Кремль или в театр. Елку в доме ежегодно устраивали обязательно, наряжали незатейливыми картонными игрушками, с нетерпением ждали под елкой корзинки с нехитрыми подарками, например, мандаринами. Новый год у меня ассоциируется ряжеными. Несмотря на трудные времена, любили наряжаться. Ряженые смотрели у кого праздник, и обязательно приходили в гости. Мы их ждали и всегда гадали: «А кто спрятался под этим вывернутым наизнанку тулупом?»

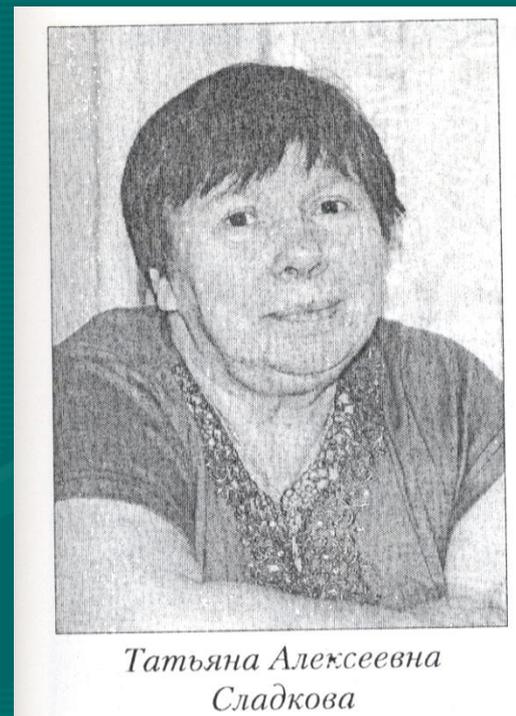

Татьяна Сладкова с подругами

Память сохранила больше хорошего

Особенно яркие впечатления остались от летнего пионерского лагеря. Он был устроен по инициативе Московского политотдела и располагался на Пороховой горе сначала в виде палаточного городка, затем в стационарных зданиях. В конце каждой смены устраивали большой концерт и обязательный пионерский костер. Это было событием не только для воспитанников лагеря, но и для жителей Павловской Слободы, которые приходили на праздник.

Таким мне запомнилось послевоенное детство. Времена были трудные, по рассказам родителей, но избирательно память сохранила больше хорошего, чем плохого.

*Татьяна Алексеевна
Сладкова*

Татьяна Алексеевна Сладкова,
жительница села Павловская Слобода

«Стояли в очереди за долгожданным куском хлеба»

Когда началась война, мне еще не исполнилось и три года. Жили мы с мамой, Марией Иосифовной Павловой, в одной из комнат церкви в Павловской Слободе. В комнате было холодно, цементный пол «обжигал» ноги. Чтобы я не слезла со своей кровати на ледяной пол, маме приходилось привязывать меня к ее спинке. Когда мама на целых 12-15 часов уходила работать на военную базу, где давали вторую жизнь искалеченной в боях технике, я оставалась дома одна и часто плакала. Приходила мама домой всегда на несколько часов. Со мной занималась, да еще и себя в порядок надо было успеть привести: платье единственное постирать. Часто оно и не высыхало к новому трудовому дню, в сыром шла на работу.

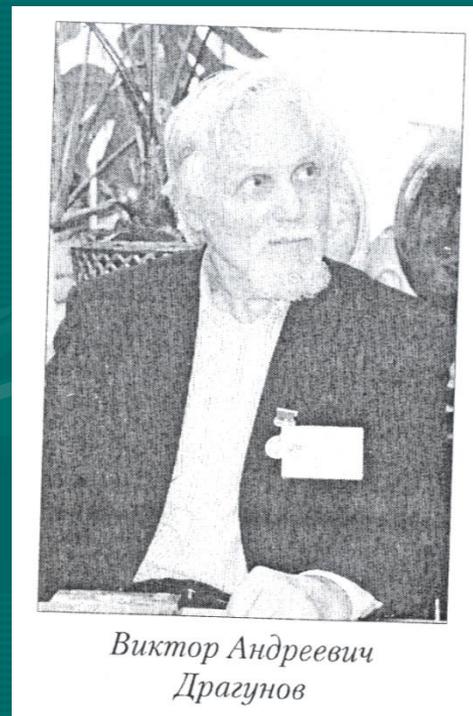
Тяжело было, я всегда была голодная. Мама всегда отдавала мне свой кусок хлеба и говорила: «Я на работе поела». Я верила. Это потом уже поняла: она спасала меня от голодной смерти. От такой диеты мамочка стала пухнуть. «Что-то ты поправляешься», - говорили ее подруги. И только наш сельский врач Алексей Леонтьевич, увидев маму, понял, что ее надо спасать. Доктор добился, чтобы маме давали лишних 100 граммов хлеба в день. Помню как я, 5-летняя девочка, всю ночь зимой стояла в очереди за долгожданным куском хлеба, пока мама работала в ночную смену. Еще всплывает в памяти, как мы, ребятки, бежали за машиной, на которой везли жмых. Иногда из кузова падал кусок этого корма, мы подбирали его и ели. Страшно все это вспоминать. Дай Бог, чтобы нашим детям и внукам никогда не пришлось пережить то, что испытали мы – дети войны.

Светлана Владимировна Смирнова,
жительница села Павловская Слобода

Украсть у фашистов винтовку и пойти в партизаны

Эту историю многократно рассказывали мне моя мама и тетя, я же отчетливо помню только финал – как нас всех стегали. Дело было зимой с 1941 на 1942 год. Фашисты рвались вглубь страны. Началась эвакуация, все, кто мог, уезжали. Моей матери, Александре Ивановне Драгуновой, работнице отдела технического контроля шахты № 1 «Лютарическая» Донского района Тульской области, на оккупированной немцами территории партией было поручено затопить шахту в случае приближения немцев, чтобы стратегически важный продукт – уголь не достался врагу. Затем мать вместе со мной, двухлетним сыном, уехала в деревню Смородино к жене брата, которая имела пять детей, а я оказался шестым ребенком в большой семье. В их доме на постое жил немецкий солдат. Старшему из детей было всего шесть лет, видимо, именно ему в голову и пришла «гениальная» мысль – украсть у фашиста винтовку и пойти в партизаны. Конspirаторы из нас, как выяснилось, были никакие, наша затея стала известна немцу. Он проявил благородство, поскольку нас не тронул, а сообщил хозяйке дома: «Прими меры к своим сорванцам». Тетя, долго не думая, загнала нас на печку, взяла в руки вожжи, и со словами «На кого Бог пошлет», отстегала нас, досталось всем. На этом наш поход в партизаны закончился.

Виктор Андреевич Драгунов,
Волонтер, житель города Истра

«Приказ немецкого офицера»

В воскресный день 22 июня 1941 года многие дети по всей стране играли на улице вместе со своими сверстниками. Впереди было больше двух месяцев летних каникул, и, казалось ничто не омрачит их безоблачное детство. Однако именно в этот день многие из них впервые слышали слово «война». Среди миллионов детей, чье детство закончилось в июне 1941 года, была и моя бабушка 9-летняя Валя Бусурина, жившая тогда с родителями в поселке Снегири.

Валентина Игнатьевна Бусурина родилась в 1931 году в деревне Жуково Оленинского района Калининской области. В 1934 году семья переехала в Подмосковье и обосновалась в поселке Снегири. Отец Валентины устроился работать на кирпичный завод, от которого получили комнату в деревянном одноэтажном бараке на улице Ленина. В 1938 году Валентина пошла в 1 класс в семилетнюю школу в соседней деревне Ленино. Именно эту школу во время оккупации фашисты превратили в свой опорный пункт обороны, а с 1967 года в бывшем школьном здании разместился военно-исторический музей.

В июле 1941 года глава семейства Игнат Антонович Бусурин был призван на фронт. В Снегирях осталась жена Марфа Тихоновна и две дочери – Валентина и двухгодовалая Тамара. К счастью, семья осталась цела – Игнат Антонович вернулся с войны с медалью «За оборону Кавказа», а семья без потерь пережила оккупацию и голод.

*Валентина Игнатьевна
Бусурина. 1950 год*

«Приказ немецкого офицера»

В годы войны Валентине пришлось стать основной кормилицей семьи. Она соглашалась на любую сложную работу, которая позволяла принести домой хоть немного продуктов. В частности, неоднократно приходилось вместе с другими детьми ходить на колхозные поля и собирать гнилой и померзший картофель, который не успели собрать осенью 1941 года.

Каждый человек хранит в памяти какой-то момент своей жизни, который кажется вторым рождением, переломом во всей дальнейшей судьбе. С этими воспоминаниями всегда связаны открытия в самом себе и в других людях. Был такой случай и в жизни моей бабушки. Однажды во время фашистской оккупации в из комнате в бараке отдыхали немцы, там же варили себе суп. Валя, воспользовавшись моментом, решила им навредить и высыпала в кастрюлю чашку с солью. Вычислить виновную фашистам не составило труда. Ее поставили к печке и, несмотря на слезы матери, собирались расстрелять. Но вдруг за девочку заступился немецкий офицер, который отдал приказ убрать оружие и показал Марфе Тихоновне свою семейную фотографию, на которой были изображены он с женой и две дочери. Так приказ немецкого офицера спас Валю от неминуемой гибели.

Вместе с известием о победе в 1945 году Валентина Игнатьевна окончила школу и устроилась работать на авиационный завод в Тушине. Затем вышла замуж за моего деда Александра Васильевича Мамаева, и у них родились три сына. Бабушке не удалось прожить долгую жизнь, в марте 1992 года, когда мне было всего 5 лет, она умерла от болезни в возрасте 60 лет. Воспоминания о детстве Валентины Игнатьевны сохранила ее родная сестра – Тамара Игнатьевна Полякова.

Сергей Юрьевич Мамаев,

Руководитель музея «Усадьба Рождествено»

«Я до сих пор вижу ствол пистолета»

Определение «Дети войны» появилось сравнительно недавно, по крайней мере, до девяностых годов прошлого столетия оно почти не употреблялось. Они (кому посчастливилось) пережили военное лихолетье и, подрастая, сходу включились в восстановление разрушенного хозяйства. Должен признаться, что и я принадлежу к этому сообществу: три года вражеской оккупации, голод, разруха – все это пришлось пережить лично. Затем 22 года осваивал новые земли в Казахстане, стал кандидатом наук, профессором, академиком. Я родился в селе Слободзея на Днестре, а волею судьбы, несколько лет прожил в районе Павловской Слободы и был принят общественностью поселения в разряд «своих», стал «слободским». Очень горжусь этим и поддерживаю постоянную связь с местным творческим активом.

В последние десятилетия стало часто употребляться подзабытое уже выражение «оккупация». Оккупант - это тот, для кого люди, живущие там, куда он пришел с оружием, не существуют, как люди. Их жизни для него ничего не стоят. Расскажу о случае, произошедшем со мной в период именно такой оккупации. В конце 1943 года, когда после ряда жестоких сражений по Курском, Белгородом и Харьковом вектор войны повернулся в обратном направлении, и немецкие войска стали все «увереннее» откатываться назад, одно их подразделение разместилось в Слободзее. К нам привели трех постояльцев-немцев. Мы тогда жили вчетвером: бабушка, два подростка (мой дяди) и я. «Гости» оперативно заняли обе большие комнаты, нам же «предоставили» право жить на кухне. На ломаном русско-украинском языке объяснили, что вход в их комнаты запрещен, обращаться к ним тоже нельзя, если что им будет нужно – они сами скажут. Они прожили у нас несколько месяцев. Постепенно, с их слов, мы узнали, кто они и что собой представляют. Обычные тыловики, в небольших чинах, унтер-офицеры.

«Я до сих пор вижу ствол пистолета»

Самый старший заведовал полевой пекарней, звали его Людвиг. По внешнему виду он был типичным немцем, образ которого популярен в наших фильмах о войне: высокий, худой, рыжий и в очках. Средним по возрасту был некто Карл, заправлявший какими-то складами. Самый молодой из них – Пауль, в его функции входила охрана объектов, которыми заведовали старшие товарищи. Эти немцы уже давно поняли, что война Германией проиграна, и дни их пребывания на нашей земле сочтены. Предчувствие краха и неопределенность будущего, возможно, и опыт российской жизни за годы оккупации, заставляли их искать способ забыться. Пили они ежедневно. Приносили домашнее вино, обязательно кипятили его, добавляли сахар и пили. Горячее вино с сахаром через два-три часа превращали их поистине в животных. Для нас это было пыткой. Напиваясь, они начинали стрелять. Стреляли в мух и пауков в углах комнаты, развешивали на два гвоздя рубашки и с криками «Рус партизан!» стреляли вшей.

*Василий Гурковский среди учеников 4 класса
Слободзейской школы. 1951 год*

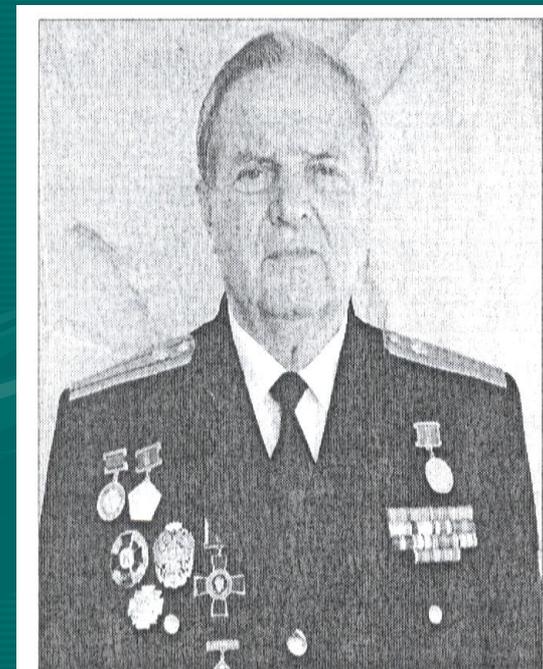
Не знаю почему, но старший из немцев, тот самый Людвиг, был равнодушен ко мне. Причем не с положительной стороны, а с издевательски-садистской. Он на меня кричал, обзывался всякими немецкими и русско-украинскими нехорошими словами, часто просто так шлепал, а главное очень часто пугал. Он был для меня вроде черта без грима.

«Я до сих пор вижу ствол пистолета»

За пару месяцев до прихода наших случилось следующее. По ночам и в выходные дни у нас во дворе стоял фургон для перевозки хлеба. Как то раз, в субботу, я вышел во двор погулять. Машина стояла во дворе, часового днем не было, кто то из деревенских ребят разбил обе фары. Цоколь от одной лампочки валялся рядом. Я, не видевший, сколько себя помню, ни одной игрушки, естественно, подобрал этот желтый блестящий цоколь с проводками и, вернувшись в дом, стал играть с ним на печке.

Людвиг первым увидел разбитые фары и вбежал в дом. Бабушка была где-то во дворе. Пьяный после охоты немец, увидел, что я играю с разбитой лампочкой, что-то страшно заорал по-немецки и сделал то, что делают истинные оккупанты, - выхватил пистолет и выстрелил в меня трижды. Я до сих пор вижу ствол пистолета, изрыгающий смерть. Немец, конечно, достал бы меня, забившегося в угол между трубой от плиты и вытяжной трубой широкой трубой от печки. Но ему было лень подниматься по ступенькам на печь, и он просто стрелял, с каждым выстрелом забирая правее. Спасла меня вбежавшая бабушка. Не зная, в чем дело, увидев одно – немец в меня стреляет. Она обхватила его за ноги, начала кричать. Он ее свирепо отталкивал.

Вбежавший Пауль выбил пистолет и вытолкнул Людвигу с кухни. Более трех месяцев меня водили потом к разным бабкам, восстанавливая речь и слух. И что мне было из того, что немец перестал меня пугать, пытаюсь задробрить поджаристыми, посыпанными сахаром булочками из своей пекарни? Что мне из того, что он оправдывал свою стрельбу тем, что подумал, будто я разбил те фары? Он стал для меня настоящим врагом, изломавшим всю мою жизнь. До сих пор при сильном волнении у меня пересыхает в горле и перехватывает речь.

Василий Андреевич Гурковский

«Я до сих пор вижу ствол пистолета»

В заключение скажу, что судьба жестоко, но справедливо рассчиталась с вражескими постояльцами. Перед приходом наших войск, уже в апреле, всю ночь продолжалась артиллерийская канонада. Через наши головы шел обстрел позиций немцев на правой стороне Днестра. В окошке на печке, где мы лежали, прижавшись друг к другу, беспрерывно сверкали отблески летящих ракет от «Катюш» и снарядов. Утром наших постояльцев не оказалось – исчезли. Через пару дней после канонады, когда все стихло, к нам зашел один из бывших постояльцев, молодой Пауль и рассказал, как они втроем хотели переправиться – на ту сторону Днестра. Ехали на мотоцикле – Людвиг за рулем, Карл в коляске, а Пауль – на заднем сидении. Выскочивший из засады советский танк, как утюгом, накрыл мотоцикл. Пауль спрыгнул с сиденья и убежал, а те двое, включая моего «пугала» – не успели. Значит – не судьба или, наоборот судьба. По жизни – все можно простить, на память никогда никому и ничего не прощает.

Василий Андреевич Гурковский,
член союза писателей России

Георгиевская ленточка

За окнами веселый лес летит,
Я еду в ленинградской электричке.
Напротив меня девочка сидит
С георгиевской ленточкой в косичке.
Сегодня эту ленточку носить
На сумке можно, можно – в виде брошки,
Но я прекрасно помню и без лент,
Как бабка не выбрасывала крошки.
Как много лишнего мы слышим в дни побед,
Но только этой палочке с елеем
Не очень верят те, кто в десять лет
Питался, в основном, столярным клеем.
А время умножает все на «ноль»,
Меняет поколение поколеньем,
И вот войны подлеченная боль
Приходит лишь весенним обострением.
Над этой болью многие кружат,
Как воронье, как чайки . . . И так рады,
Как будто свой кусок урвать хотят
Бетонной героической блокады.
Я еду в поезде, смотрю на все подряд:
В окно: на девочку с прекрасными глазами,
А за окном солдатики лежат
И прорастают новыми лесами. . .

Игорь Растеряев

*С Уважением,
Архивный отдел управления делами администрации г. о. Истра
(с использованием материалов Сергея Юрьевича Мамаева)*